

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/516/24

Уголовно-правовая и процессуальная индивидуализация как основа для продолжения дифференциации уголовно-процессуальной формы

Светлана Сергеевна Крипиневич¹

¹ Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, Россия, s.kripinevich@yandex.ru

Аннотация. Изложена авторская позиция, основанная на выявленной закономерной взаимосвязи уголовно-правовой индивидуализации и уголовно-процессуальной формы, которая дает возможность взглянуть на дифференциацию этой формы с новой стороны. Заключается, что признание наличия процессуальной индивидуализации, ее раскрытие и научное развитие позволяют определить новое направление в дифференции уголовно-процессуальной формы и получить объективные ответы на значимые вопросы совершенствования уголовного судопроизводства в целом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, дифференциация, пределы, процессуальная индивидуализация

Для цитирования: Крипиневич С.С. Уголовно-правовая и процессуальная индивидуализация как основа для продолжения дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 216–222. doi: 10.17223/15617793/516/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/24

Criminal law and procedural individualization as a basis for continuing differentiation of the criminal procedure form

Svetlana S. Kripinevich¹

¹ Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, s.kripinevich@yandex.ru

Abstract. The differentiation of the criminal procedure form occupies a significant place in scholarly research, which has yielded extensive results defining the essence of the form, approaches to its development, and directions for differentiation, among other aspects. At the same time, several questions of theoretical, legislative, and practical importance remain unanswered: 1) Is it possible to continue the differentiation of the form, or does it have certain limits? 2) How can the boundaries of the procedural form be determined, particularly in light of the growing trend toward its differentiation? 3) Do quantitative and qualitative limits of the procedural form exist? 4) What role does the detailing of the criminal procedure form play in its differentiation? The search for answers to these questions represents a matter of significant scholarly interest. Differentiation of the criminal procedure form is occurring extensively, through a quantitative increase in minimally distinct forms. Analysis of existing scholarly works in this area reveals a multitude of perspectives concerning the differentiation of the criminal procedure form as a whole, its individual forms designed for application in specific situations, and proposals for the hyper-fragmentation of the procedural form, where minor adjustments to procedural details are treated as differentiation, among other issues. The trend toward detailing the criminal procedure form and its normative consolidation raises serious concerns that variable procedures may lose their constructive properties and transform into their antithesis—forms that excessively complicate criminal proceedings, leading to unjustified expenditures of time, effort, and resources, including financial ones. It is also evident that this will objectively result in an increase in the duration of criminal proceedings. Among the problems arising from the formal detailing of the criminal procedure form, scholars point to systemic overload, where investigators and judges become unable to adequately manage the "deluge" of cases that consequently falls upon them. The author concludes that, at present, the continued detailing of the criminal procedure form largely acts as a destructive factor, and its further improvement must proceed on different foundations and assume a new direction. As a potential alternative direction for the development of the domestic criminal procedure form, it is proposed to consider the idea of individualization. The author's position, grounded in the identified inherent interconnection between criminal-law individualization and the criminal procedure form, offers an opportunity to view the differentiation of this form from a new perspective. Acknowledging the existence of procedural individualization, elucidating it, and advancing its scholarly development can define a new direction in the differentiation of the criminal procedure form and provide objective answers to significant questions regarding the improvement of criminal proceedings as a whole.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedural form, differentiation, limits, procedural individualization

For citation: Kripinevich, S.S. (2025) Criminal law and procedural individualization as a basis for continuing differentiation of the criminal procedure form. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 216–222. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/24

Развитие дифференцированных процедур обусловлено устоявшимся научным мнением о том, что только этот путь позволяет адаптировать уголовно-процессуальную форму под конкретные фактические обстоятельства, учитывать особенности различных категорий уголовных дел и применять оптимально подходящий под сложившуюся ситуацию процессуальный порядок для их расследования и судебного рассмотрения.

С определенного периода (середина прошлого века) тенденция к развитию дифференциации в отечественном уголовном судопроизводстве стала все более заметной, и в современный период мы наблюдаем ее бурное развитие.

Современный уголовный процесс характеризуется многообразием процессуальных форм, присущих главным образом досудебному производству. Многообразие обусловлено стремлением ученых и практиков определить процессуальную форму расследования преступлений, являющуюся наиболее эффективной с точки зрения полноты, своевременности достижения назначения уголовного судопроизводства, обеспечения прав личности в рассматриваемой сфере.

При этом есть и противоположное мнение, что «многовариативность перегружает уголовно-процессуальную форму, зачастую лишними процедурами». И здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство: детализация формы во многом ассоциируется с ее дифференциацией. Соответственно более детализированные процедуры признаются усложненными, а менее – упрощенными. В науке на этот счет отмечается, что «в результате усложнения общая процедура усложняется увеличением сроков производства по делу, необходимостью решения дополнительных задач, выполнением требований и появлением новых этапов, предоставляющих дополнительные гарантии обеспечения законности в особых правовых ситуациях (производство в суде с участием присяжных заседателей, производство в отношении несовершеннолетних и т.д.); упрощение осуществляется за счет сокращения или устранения некоторых этапов в ходе досудебного и судебного производства с сохранением всех гарантий прав граждан, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (дознание в сокращенной форме, порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.)» [1. С. 95].

Исходным началом для наших рассуждений стала констатация следующего факта: дифференциация уголовно-процессуальной формы происходит экстенсивным путем (за счет количественного роста минимально отличающихся форм). В этой связи нужно отметить наличие весьма многочисленных научных исследований [2–6], касающихся дифференциации уголовно-процессуальной формы в целом, отдельных ее форм, разработанных для применения в конкретных ситуациях, основанных на гиперфрагментировании процессуальной формы, когда изменение в незначительных деталях процедуры (ее детализация) рассматривается как ее дифференциация.

Тенденция к детализации уголовно-процессуальной формы и ее нормативное закрепление вызывает серьезные опасения, что вариативные процедуры утратят

свои конструктивные свойства и превратятся в антипод – формы, которые чрезмерно усложняют уголовное судопроизводство, приведут к необоснованным затратам времени, сил, средств, включая финансовые. Очевидно также, что это объективно повлечет возрастание длительности сроков уголовного судопроизводства.

С.Б. Россинский отмечает, что «в настоящее время наблюдается... достаточно негативная тенденция развития уголовно-процессуальной формы. Она заключается в стремлении законодателя формализовать, то есть “узаконить” (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства поведенческих приемов, чем этого требует здравый смысл» [7. С. 76].

В числе проблем, которые влечет за собой детализация уголовно-процессуальной формы, в литературе указывается на перегрузку, когда следователи, судьи перестают надлежащим образом справляться с тем «валом» дел, который в результате на них обрушивается. К тому же, как правильно подчеркивается В.Н. Григорьевым, деятельность в процессуальной форме – трудоемкое и дорогостоящее дело [8. С. 43].

Считаем, что эти опасения оправданны, и в подтверждение приведем небольшую иллюстрацию, наглядно это демонстрирующую. Мы сравнили ряд уголовных дел по одному и тому же составу преступления – убийству (ст. 102 УК РСФСР 1960 г. и ч. 1 ст. 105 УК РФ), в каждом из которых один подсудимый и один потерпевший, примерно одинаковое количество свидетелей (5), преступления совершены примерно при одинаковых обстоятельствах (в условиях очевидности). При этом уголовные дела, датированные 1994–1995 гг., имеют в среднем 3 тома, а уголовные дела за 2023–2024 гг. – в среднем почти 11 томов, из чего следует, что объем материалов уголовного дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ вырос более чем в 3 раза, по сравнению с аналогичными делами 30-летней давности.

Проведенный анализ содержания уголовных дел показал, что собственно те материалы, в которых отражены сведения, имеющие значение для разрешения уголовного дела по существу выдвинутого обвинения, имеют сопоставимый объем, но более чем в 3 раза возросло количество тех документов, которые сопровождают производство (сопроводительные письма, ходатайства и ответы на них, обращения следователя с запросами и полученные на них, часто без значимого в процессуальном отношении содержания, ответы, обращения следователя к суду, отказ в принятии ходатайств следователя и иное).

Из полученных данных следует вывод: детализация уголовно-процессуальной формы не повлекла значимого расширения фактического материала (количества или качества доказательств), но детализация формы стала причиной для увеличения сопроводительной деятельности, выступая обязательной частью формальных требований к процедуре производства по уголовному делу.

Мы не склонны в рамках этой работы дискутировать относительно нужности или ненужности каждого из элементов формы, вызывающего необходимость в документировании. Вместе с тем обращаем внимание

на результат детализации формы и, как следствие, на разрастание объема процессуальной деятельности (в том числе временного периода, хотя законодатель всячески стремится к ускорению). В этом видим наглядный парадокс стремления к ускорению и выбранного для этого процессуального средства – детализации формы, когда полученный результат приводит не к ускорению, а увеличению продолжительности времени производства по уголовным делам. Учитывая, что аналогичные по содержанию и результативности уголовно-процессуальные действия имеют различную процедуру (вариативны), то вопрос о продолжении прежнего направления усиления детальности процедуры при одновременном отношении к детализации как к процессу дифференциации переходит в плоскость принципиальной возможности выполнить процессуальные действия во всех деталях, установленных законодателем, не допуская ошибок и нарушений установленных правил.

Полагаем, что детализация должна быть ограничена от дифференциации уголовно-процессуальной формы. Для развития дифференциации процедуры необходимо, чтобы альтернативность порядка уголовно-процессуальной деятельности и выдвигаемые к нему (порядку) требования соотносились с такими сторонами, как установление фактических обстоятельств (например, альтернативные элементы предмета доказывания) и/или обеспечение прав участников (например, усиление уровня гарантированности прав участников). Указанные две сферы уголовного судопроизводства обладают системообразующими свойствами, находясь в тесном взаимодействии и альтернативности в правилах их процессуального осуществления закономерно приводит к существенной (содержательной и формальной) корректировке процедуры. Такого рода изменения должны быть связаны с критериями дифференциации (например, индивидуальными признаками субъекта) и предусматривать основания применения дифференцированной формы (процессуально-индивидуальные условия, наступление которых позволяет применять дифференцированную процедуру).

Детализация не может рассматриваться как направление дифференциации уголовно-процессуальной формы и, по нашему мнению, в настоящее время продолжение детализации уголовно-процессуальной формы во многом выступает деструктивным фактором, соответствующая тенденция должна быть сведена к минимуму.

В качестве возможного альтернативного направления развития отечественной уголовно-процессуальной формы предлагаем обратить более пристальное внимание на идею индивидуализации. В уголовном праве индивидуализация рассматривается как непреложное требование, обращенное к установлению совокупности фактических обстоятельств, позволяющих суду определить вид и меру наказания виновному, соответствующие содеянному. Индивидуализация в данном случае выражается в том, что существуют альтернативные (дифференцированные) санкции, из числа которых суд избирает ту, которая наиболее соответствует

обстоятельствам установленного преступного события, личностным качествам субъекта и др.

В научной литературе отмечается влияние индивидуализации на процесс назначения наказания судом, определяющего вид и размер наказания [9. С. 86].

Так, Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев определяют расширенный объем обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию в уголовном праве: 1) характер и степень общественной опасности совершенного преступления; 2) личность виновного, т.е. совокупности всех его социальных характеристик; 3) всех конкретных обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих наказание, относящихся к совершенному деянию и личности подсудимого; 4) влияния назначенного наказания на исправление осужденного (прогнозирование осуществления данной цели) и на условия жизни его семьи (возможные последствия в виде материальных затруднений семьи, безнадзорность несовершеннолетних детей и др.). Вполне справедливым является следующее высказывание: «Индивидуализация назначения наказания – это определение меры наказания, необходимой и достаточной именно для данного осужденного с учетом его личности и обстоятельств совершенного им преступления» [10. С. 46].

В науке уголовного права выделяют три основных правила, обращенных к назначению наказания: законность, справедливость, индивидуализация. При этом индивидуализация в назначении наказания позиционируется как принцип уголовного права, позволяющий назначить меру наказания, необходимую и достаточную именно для данного осужденного с учетом его личности и всех обстоятельств совершенного им преступления [11].

Не менее важно, в контексте нашего исследования, мнение и о том, что «суд, изучая все обстоятельства дела и личность виновного, на основе положений уголовного и уголовно-процессуального (ст. 73, 307, 308 УПК РФ. – С.К.) законов индивидуализирует наказание» [11. С. 56].

Заслуживает внимания позиция Е.Г. Арефинкиной о влиянии индивидуализации наказания на деятельность органов предварительного расследования: «В процессе расследования определяются роли каждого лица, виновного в совершении преступления, анализируются их личности, цели и мотивация преступной деятельности, выясняются отягчающие и смягчающие обстоятельства и т.п. В результате всех этих действий ответственность индивидуализируется, что впоследствии становится базой для индивидуализации наказания уже в суде и назначения наказания, соответствующего как тяжести совершенного деяния, так и виновности подсудимого» [11. С. 52].

О связи уголовно-процессуальной формы и индивидуализации наказания высказывается С.А. Кондрачев, который пишет: «в настоящее время... ведется активный поиск процессуальной формы, которая бы позволила наиболее адекватно индивидуализировать уголовное наказание, избегая как его излишней суровости и роста, в частности “тюремного населения”, так и, напротив, в каких-то случаях его излишней мягкости» [12. С. 195].

В уголовно-процессуальном аспекте индивидуализация выражается в вариативности процедуры, т.е. прямым следствием идеи индивидуализации выступает дифференциация процессуальной формы.

Можно выделить такие направления реализации индивидуализации, как материальное и процессуальное. Общим в этих направлениях выступает именно содержательное наполнение, обуславливающее возможность выбора. Особенное реализуется через специфику предмета правового регулирования – складывающиеся общественные отношения, требующие индивидуальных подходов к их регулированию.

Взаимосвязь уголовно-правовой и уголовно-процессуальной индивидуализации можно проследить в судебной практике:

– в судебном заседании *исследованы все собранные по делу доказательства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, с учетом особенностей судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей*¹;

– *учтены все существенные для назначения наказания обстоятельства*²;

– *суд не выполнил предписания уголовного и уголовно-процессуального закона и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» «о строго индивидуальном подходе к назначению наказания», в результате чего судебное решение отменено*³;

– *суд осуществляет индивидуализацию уголовно-правового воздействия «в зависимости от оценки установленных обстоятельств»*⁴;

– *«наказание осужденной назначено в соответствии с положениями уголовного и уголовно-процессуального закона ... регламентирующих порядок индивидуализации и назначения уголовных наказаний»*⁵;

– *«в соответствии с уголовно-процессуальным законом суд не обязан принимать решение о прекращении уголовного дела по данному основанию даже при наличии всех необходимых условий, предусмотренных статьей 251 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ, в чем и заключается реализация на практике принципа индивидуализации уголовной ответственности виновного за содеянное»*⁶;

– *«учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления... в том числе конкретные обстоятельства его совершения, учитывая наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказаний обстоятельств, личность виновного, суд... в целях обеспечения дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации... наказания, считает необходимым и целесообразным назначить...»*⁷.

Примеры из судебной деятельности весьма наглядно демонстрируют процессуальную индивидуализацию путем указаний на те фактические обстоятельства, которые устанавливаются для принятия индивидуально-определенного судебного решения.

Практика и мнения ученых о роли и значении уголовно-правовой индивидуализации подводят к закономерному выводу: реализация указанного принципа назначения наказания основывается на установлении

необходимых фактических обстоятельств, т.е. на результатах уголовно-процессуальной деятельности, которая должна протекать *во вполне определенной форме, позволяющей* следователю (дознавателю) и суду устанавливать эти самые значимые фактические обстоятельства. Очевидно, что и следователь (дознаватель), и суд обязаны совершить все действия, необходимые для достижения такого уровня информированности об обстоятельствах вполне конкретного (индивидуального) события, который позволит принять решение в точном соответствии как с требованиями УК РФ, так и с правилами УПК РФ. Соответственно, можно заключить, что *уголовно-правовая индивидуализация обуславливает индивидуализацию уголовно-процессуального характера, обращенную к форме уголовно-процессуальной деятельности*.

Соответственно, предусматриваемая уголовно-процессуальным законом процедура должна *позволять правоприменителям устанавливать все необходимые обстоятельства для принятия индивидуализированного решения, в том числе в части вида и размера наказания*. Это означает, что применяться должна индивидуальная по своим характеристикам процедура. Полагаем, что такое решение находится в основе концепции обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с избранным законодателем подходом в совершенствовании уголовно-процессуальной формы в большинстве случаев используется так называемый модульный (название условное) способ дифференциации. При этом подходе правоприменителю предлагается применять единый комплекс правил, имеющий достаточно объемный масштаб. Например, законодателем предусмотрен дифференцированный порядок работы с вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ), имеющий комплексный характер. В целом комплексность – качество положительное для законодательных предписаний процессуального характера. Но одновременно комплексность не позволяет индивидуализировать процедуру, требуя, в силу принципа нормативности формы, применения всей совокупности закрепленных правил, без учета того фактора, что в определенных условиях отдельные правила могут (должны) отличаться индивидуальностью.

Аналогично складывается ситуация, когда законодателем установлены правила производства допроса, императивно определяющие его длительность, наличие перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи (ч. 3 ст. 187 УПК РФ) и др. Такого рода нормативно закрепленная процессуальная форма (весьма детализированная) вызывает затруднения в правоприменении. Так, анкетирование адвокатов-защитников показало, что наличие императива об обязательном перерыве в допросе *не менее чем на один час* создает в ряде случаев существенные затруднения, когда приходится ждать окончания перерыва, чтобы только закончить оформление протокола и подписать его (75% респондентов отметили эту деталь как недостаток формы допроса). При этом отметим, что в данном случае нет альтернативы (дифференциации), которая бы в большей степени отвечала интересам участников.

О проблеме модульного регулирования уголовно-процессуальной формы могут свидетельствовать результаты судебной деятельности. Обратили внимание на достаточно часто встречающееся в судебных решениях выражение: «При рассмотрении уголовного дела и постановлении приговора без проведения судебного разбирательства судьей не проводится исследование и оценка доказательств, собранных по делу. В случае если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по делу, то он постановляет обвинительный приговор»⁸. Подчеркнем, что постановление приговора в особом порядке возможно только в случае, когда судья убедился в обоснованности обвинения. Но что, если у судьи появились некоторые сомнения? Устранить их судья может только перейдя на общий порядок. Но это также означает, что подсудимый утрачивает преимущества, положенные ему в части назначения наказания, если бы судебное разбирательство проходило в особом порядке.

Значит для того, чтобы судье в полной мере выполнить собственное предназначение и принять решение (постановить приговор) в точном соответствии с требованиями УПК РФ (законность, обоснованность и справедливость), он должен лишить преимуществ подсудимого, на которые тот рассчитывал, давая согласие с предъявленным ему обвинением. Не перейти же на общий порядок означает нарушить требования уголовно-процессуального закона. На наш взгляд, в такой конфигурации процессуальной формы отсутствует баланс между публичными и частными интересами, когда достижение публичного интереса исключает реализацию и соблюдение частного интереса.

Как представляется, переход из одной формы судебного разбирательства в другую это необходимый институт, учитывая, что законодатель применяет, как ранее уже было отмечено, так называемую модульную дифференциацию. На наш взгляд, существует возможность скорректировать этот подход и предусмотреть более гибкие уголовно-процессуальные формы, не исключая в целом модульного характера дифференциации. Следовательно, основная проблема модульной организации уголовно-процессуальной формы заключается в том, что ее применение в дифференциации не позволяет индивидуализировать форму с необходимой четкостью, т.е. решить ту задачу, ради которой применяется дифференциация.

Есть и другие обстоятельства, ставящие под сомнение конструктивный характер применения процессуальной индивидуализации. Так, совокупность обстоятельств, которую законодатель вводит в содержание уголовно-правовых норм в целях индивидуализации наказания, и ее сопоставление с предметом доказывания, предусмотренным в уголовно-процессуальном законе, позволяет сделать вывод об их *существенном расхождении*. При этом в числе обстоятельств, подлежащих учету в рамках индивидуального подхода, законодатель в уголовном праве указывает не только материально-правовые, но и некоторые процессуальные (например, основания для постановления приговора без назначения наказания). Полагаем, что в этой части

необходима четкая, законодательно определенная систематизация положений.

Есть еще одно обстоятельство, которое в рамках проводимого исследования необходимо подчеркнуть. Все ранее изложенное позволяет утверждать, что индивидуализация имеет значение исключительно для лица виновного в совершении преступления, и это правило (уголовно-правовой и обусловленной ею процессуальной индивидуализации) не затрагивает иных заинтересованных лиц, не влияет на их правовой статус. И в этом случае индивидуализацию некорректно использовать в качестве основы для дифференциации уголовно-процессуальной формы, в рамках которой должны быть предусмотрены ресурсы для обеспечения прав любых участников.

Такое представление о влиянии процессуальной индивидуализации на дифференциацию уголовно-процессуальной формы считаем неверным. Объективными факторами для его опровержения служат следующие аргументы:

1. Индивидуализация представляет собой совокупность подлежащих установлению обстоятельств, каждое из которых сформулировано в обобщенном виде и для его полного установления необходимо содержательное раскрытие, выявление локальной совокупности фактов. Например, для установления объекта преступления необходимо установить, чьи интересы были нарушены преступным деянием, соответственно выявляется потерпевший, характер и размер причиненного преступлением вреда. Каждое из этих и иных обстоятельств, подлежащих установлению, а также их совокупность, выполняют множественную правовую нагрузку: установление фактов, касающихся обвиняемого и используемых для индивидуализации наказания виновному и установления фактов, необходимых для защиты прав и законных интересов иных участников уголовного судопроизводства.

Думается, что именно по этой причине в ст. 73 УПК РФ предмет доказывания по большей части включает обстоятельства, адресованные к действиям обвиняемого, не упоминая такого заинтересованного участника, как потерпевший.

2. Обязанность следователя (дознателя), а затем и суда установить всю совокупность законодательно определенных обстоятельств, необходимых для индивидуализации наказания.

Итак, процессуальная индивидуализация, декларируемая как основа для решения о наказании виновного, оказывает свое влияние на правовое положение всех заинтересованных участников и выполняет обеспечительную функцию в отношении их прав и законных интересов.

В свете изложенных суждений считаем закономерным следующий вывод: процессуальная индивидуализация позволяет оказывать позитивное воздействие на уровень обеспечения прав и законных интересов любых участников уголовного судопроизводства, что обуславливает конструктивное использование данной идеи для дифференциации уголовно-процессуальной формы.

В обобщенном виде этот вывод можно представить в виде следующей формулировки: дифференциация уголовно-процессуальной формы на основании процессуаль-

ной индивидуализации необходима для наилучшего решения задач уголовного права (ст. 2 УК РФ) и достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Примечания

- ¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 4-АПУ19-12СП // СПС КонсультантПлюс.
- ² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2014 г. № 73-АПУ14-16 // СПС КонсультантПлюс.
- ³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2022 г. № 77-3452/2022 // СПС КонсультантПлюс.
- ⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19 сентября 2024 г. № 2057-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Жигулиной Ларисы Васильевны положением пункта "а" части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 200.1 данного Кодекса» / Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.
- ⁵ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 августа 2023 г. по делу № 77-2763/2023 // СПС КонсультантПлюс.
- ⁶ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 октября 2024 г. № 77-2861/2024 // СПС КонсультантПлюс.
- ⁷ Приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 13 декабря 2016 г. №1-309/2016 // СПС КонсультантПлюс.
- ⁸ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 мая 2023 г. по делу № 48-УД23-15-К7, которым приговор изменен и смягчено наказание, назначенное по ч. 2 ст. 159 УК РФ // СПС КонсультантПлюс.

Список источников

1. Рябинина Т.К., Козявин А.А., Снегирева Д.Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.
2. Хатуева В.В. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы в доктрине уголовного процесса // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 13 (13). С. 68–69.
3. Алексеев И.М. Уголовно-процессуальная форма: единство и дифференциация. Белгород : Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2015. 110 с.
4. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 131–139.
5. Лагуткина Н.Б. Особенности дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 130–133.
6. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 105–110.
7. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79.
8. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9, вып. 1. С. 42–51.
9. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М., 1984. 240 с.
10. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М. : ТК Велби; Проспект, 2007. 569 с.
11. Арефинкина Е.Г. К вопросу об институте индивидуализации назначения наказания в российском законодательстве и специфике его реализации // Спутник высшей школы : межвузовский научный журнал. 2021. № 1. С. 52–57.
12. Кондратьев С.А. Современные подходы к построению судебного разбирательства по уголовным делам с точки зрения индивидуализации наказания: опыт зарубежной и международной юстиции // Закон. 2019. № 9. С. 190–196.

References

1. Ryabinina, T.K., Kozyavin, A.A. & Snegireva, D.E. (2019) *Differentsiatsiya ugovolno-protsessual'noy formy: sushchnost', istoriya i perspektivy razvitiya, problemy protsessual'nogo osmysleniya* [Differentiation of the Criminal Procedure Form: Essence, History and Development Prospects, Problems of Procedural Comprehension]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya i pravo"*. 9 (5). pp. 92–104.
2. Khatuaeva, V.V. (2016) *Problema edinstva i differentsiatsii ugovolno-protsessual'noy formy v doktrine ugovolnogo protsessa* [The Problem of Unity and Differentiation of the Criminal Procedure Form in the Doctrine of Criminal Procedure]. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik* [Central Scientific Bulletin]. 1 (13). pp. 68–69.
3. Alekseev, I.M. (2015) *Ugolovno-protsessual'naya forma: edinstvo i differentsiatsiya* [Criminal Procedure Form: Unity and Differentiation]. Belgorod: Belgorodskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. I.D. Putilina.
4. Trubnikova, T.V. (2015) *Predely uproshcheniya ugovolnogo protsessa* [The Limits of Simplification of the Criminal Process]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 12 (61). pp. 131–139.
5. Lagutkina, N.B. (2019) *Osobennosti differentsiatsii ugovolno-protsessual'noy formy* [Peculiarities of Differentiation of the Criminal Procedure Form]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 12 (180). pp. 130–133.
6. Yakimovich, Yu.K. (2014) *Differentsiatsiya ugovolnogo sudoproizvodstva dolzhna imet' razumnye predely i ne privodit' k uproshchenchestvu* [Differentiation of Criminal Justice Must Have Reasonable Limits and Not Lead to Simplification]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2 (12). pp. 105–110.
7. Rossinskiy, S.B. (2020) *Ugolovno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Criminal Procedure Form: Essence, Problems, Trends and Development Prospects]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 15 (9). pp. 67–79.
8. Grigor'ev, V.N. (2018) *Ugolovno-protsessual'naya forma ili administrativnyy reglament: sovremennye trendy* [Criminal Procedure Form or Administrative Regulation: Modern Trends]. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 9 (1). pp. 42–51.
9. Struchkov, N.A. (1984) *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchey chasti* [Course on Correctional Labor Law. Problems of the General Part]. Moscow.
10. Esakov, G.A., Rarog, A.I. & Chuchaev, A.I. (2007) *Nastol'naya kniga sud'i po ugovolnym delam* [Criminal Case Judge's Handbook]. Moscow: TK Velbi; Prospekt.

11. Arefinkina, E.G. (2021) K voprosu ob institute individualizatsii naznacheniya nakazaniya v rossiyskom zakonodatel'stve i spetsifike ego realizatsii [On the Issue of the Institute of Individualization of Sentencing in Russian Legislation and the Specifics of Its Implementation]. *Sputnik vysshey shkoly : mezhvuzovskiy nauchnyy zhurnal*. 1. pp. 52–57.
12. Kondrat'ev, S.A. (2019) Sovremennye podkhody k postroeniyu sudebnogo razbiratel'stva po ugovnym delam s točki zreniya individualizatsii nakazaniya: opyt zarubezhnoy i mezhdunarodnoy yustitsii [Modern Approaches to Constructing Judicial Proceedings in Criminal Cases from the Point of View of Individualization of Punishment: Experience of Foreign and International Justice]. *Zakon*. 9. pp. 190–196.

Информация об авторе:

Крипиневич С.С. – канд. юрид. наук, зам. зав. кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (Москва, Россия). E-mail: s.kripinevich@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Kripinevich, Cand. Sci. (Law), deputy head of the Department of Criminal Procedure Law, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Moscow, Russian Federation). E-mail: s.kripinevich@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.*

*The article was submitted 29.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.*